

**Департамент образования администрации г. Липецка
МБОУ гимназия №19 им. Н.З. Поповичевой**

**Разработка
внеклассного мероприятия по литературе для 6-7 классов по рассказу
Юрия Яковлева «Сердце земли»**

Внеклассное мероприятие по литературе для 6-7 классов по рассказу Юрия Яковлева «Сердце земли»

Цель проведения:

- обучать гармоничному и эффективному общению с окружающими;
- формировать исследовательские навыки учащихся;
- показать учащимся непреходящую ценность материнской любви, заставить задуматься над общечеловеческими вопросами бытия.

Форма: литературно-музыкальная композиция

Сценарий проведения:

(под звучание муз. фрагмента из оперы «Юноны и Авось» со свечой выходит 1-й ученик).

1-й ученик: На границе февраля и марта небо наливается океанской голубизной, а снег становится кристаллическим и шуршит под ногами крупным береговым песком. Ты чувствуешь, как в тебе пробуждаются силы и возвращают к лучшей поре жизни.

И ты вспоминаешь мать.

Я запомнил свою мать седой и усталой. Дети никогда не запоминают мать молодой и красивой, потому что понимание красоты приходит позже, когда материнская красота успевает увянуть.

Я запомнил свою мать седой и усталой, а, говорят, она была красива. Большие задумчивые глаза, в которых проступал свет сердца. Ровные тёмные брови, длинные ресницы. На высокий лоб спадали дымчатые волосы. Такой я видел её на выцветшей фотографии – молоденькая сестра милосердия, красный крестик на белом платке.

До сих пор слышу её негромкий голос, неторопливые шаги, ощущаю бережное прикосновение её рук, тепло платья на её плече. Это не имеет отношения к возрасту – вечно.

(со свечой выходит 2-й ученик)

2-й ученик: Дети никогда не говорят матери о своей любви к ней. Они даже не знают, как называется то чувство, которое все сильнее привязывает их к матери. В их понимании это вообще не чувство, а что-то естественное и обязательное, как дыхание, утоление жажды.

Есть в любви ребёнка к матери свои золотые дни. Я пережил их в раннем возрасте, когда впервые осознал, что самый необходимый человек на свете – мама. Я не отходил от неё ни на шаг, боялся уснуть: вдруг она уйдёт. А когда просыпался, то первой моей мыслью было: где мама? В те дни я стал маленьким рыцарем, а мама была моей прекрасной дамой. Я размахивал деревянной шпагой, готовый в любую минуту вступить за маму. Она чувствовала это. Она была счастлива.

Память не сохранила подробностей тех далеких дней. Я знаю об этом своем чувстве, потому что оно до сих пор теплится во мне, не развеялось по свету. И я берегу его, потому что без любви к матери в сердце – холодная пустота.

(со свечой в руках выходит 3-й ученик)

3-й ученик: Я никогда не называл свою мать – матерью, мамой. У меня для неё было другое слово – мамочка. Даже став большим, я не мог изменить этому слову. Я пытался назвать её «мама», но с губ помимо моей воли слетало всё то же ласковое, детское – «мамочка». Я стеснялся этого слова и на людях произносил его чуть слышно.

Последний раз я произнёс его на мокрой от дождя платформе, у красной солдатской теплушки, в давке, под звуки тревожны гудков паровоза, под крик команды «по вагонам!». Я не знал, что навсегда прощаюсь с матерью. Не знал, что с матерью вообще можно проститься навсегда. Я шептал «мамочка» ей на ухо, и чтобы никто не видел моих слёз, вытирал их о её волосы... Но когда теплушка тронулась, - не выдержал. Забыл, что я солдат, забыл, что вокруг люди, множество людей, и сквозь грохот колёс, сквозь бьющий в глаза ветер закричал:

- Мамочка! Мамочка...

Но она уже не слышала.

2-й ученик: Никто, как мать, не умеет так глубоко скрывать свои страдания и муки. И никто, как дети, не умеет так хладнокровно не замечать того, что происходит с матерью. Она не жалуется, значит, ей хорошо. Она улыбается, значит, ей очень хорошо. Я никогда не видел слёз своей матери. Ни разу в моём присутствии её глаза не увлажнились, ни разу она не пожаловалась мне на жизнь, на боль. Я не знал, что это было милосердием, которое она оказывала мне.

(со свечой в руках входит 4-й ученик)

4 ученик: Когда на посту было очень холодно, мы подходили к трубе землянке и грелись в теплом низком дыму. Он обволакивал замлевшие ледяные лица горьким мягким теплом. Жалко, что этим теплом нельзя было дышать. Еще когда удавалось раздобыть картошку, мы нанизывали ее на проволоку и опускали в трубу. Картошка пропекалась ровно и вкусно. Мы оттирали ее от сажи снегом и ели. Мы всегда были голодны. Нам всегда было холодно. Только в бою у орудий забывали мы о голоде и холоде. И еще – когда получали из дома письма.

Но было писем из дома одно необычайное свойство, которое каждый открывал для себя и некому не признавался в своем открытии. В самые трудные минуты, когда казалось – все кончено или кончится в следующее мгновение и нет уже ни одной зацепки на жизнь, - мы находили в письмах из дома НЗ – неприкосновенный запас жизни. Запаса хватало надолго, его берегли и растягивали, не надеясь пополнить его в скором времени.

У меня не сохранились мамины письма. Я не запомнил их наизусть, хотя перечитывал десятки раз. Но в памяти жива картина жизни родного дома, которая возникала из маминых весточек.

(со свечой в руках входит 5-й ученик)

5-й ученик: На ледяном ветру я видел ее у печки с закрытыми глазами. Это видение возникало ночью на посту. УУ меня в кармане лежало письмо. От него веяло далеким теплом, пахнущим смолянистыми дровами. Это родное тепло было сильнее ветра.

Когда от мамы приходило письмо, не было ни бумаги, ни конверта с номером полевой почты, ни строчек. Был мамин голос. Я слышал его даже в грохоте орудий.

Дым землянки касался щеки, как дым родного дома.

(со свечой в руках входит 6-й ученик)

6-й ученик: Под новый год я увидел у себя елку. Мама подробно рассказывала письмо о елке. Оказывается, в шкафу случайно нашлись елочные свечи. Короткие, разноцветные, похожие на отточенные цветные карандаши. Их зажгли, и с еловых веток по комнате разлился ни с чем не сравнимый аромат стеарина в хвое. В комнате было темно, и только веселые блуждающие огоньки замирали и разгорались, и тускло мерцали золоченые грецкие орехи.

Я лежал на снегу в тяжелой каске, в подшлемнике – в шерстяном опущенном забрале, в шинели, затвердевшие от талого снега, а осколки снарядов гулко плюхались на землю – большие, рваные куски металла... Вот один упал совсем рядом... Гори, елка. Мерцайте, позолоченные орешки. Хорошо, что где-то около мамы есть островок мира, где всё по-прежнему. Тепло и спокойно. И мама в безопасном месте. И единственная ее тревога – это я.

Старые часы идут и бьют полночь. Сверчок, чудом поселившийся в городской квартире, работает на стрекочущей машинке. Ковш Большой Медведицы стоит на крыше дома, что напротив. Пахнет хлебом. Тихо. Ёлка погасла. Печка горячая.

(со свечой в руках входит 7-й ученик)

7-й ученик: Потом оказалось, что всё это было легендой, которую умирающая мама сочиняла для меня в ледяном доме, где все стекла выбиты взрывной волной, а печки были мертвы и люди умирали от осколков. И она писала, умирая. Из ледяного блокадного города мне последние капли своего тепла, последние кровинки.

Она не просто голодала. В нее стреляли голодом. Это был смертельный голод. Голод – обстрел, голод – бомбежка, голод – пожар. А я поверила легенде. Держался за нее – за свой неприкосновенный запас, за свою резервную жизнь. Был слишком молод, чтобы читать между строк. Я читал сами строки, не замечая, что буквы кривые, потому что их выводила рука, лишенная сил, для которой перо было тяжелым, как топор. Мать писала эти письма, пока билось сердце. Последнее письмо пришло в мае.

(Учащийся с гитарой исполняет 2 куплета песни «Мамины глаза», со свечами входят мальчик и девочка)

Девочка: Я как-то спросил маму:

- У меня сердце светится?

- Ну как же оно может светиться, - возразила мама.

Я увидел светящееся сердце в кузнице. Кузница стояла на краю деревни. От нее тянуло запахом угольного дыма, и она сотрясалась от звонких прерывистых ударов. Я услышал, как с хрипом дышат кожаные мехи и как от их дыхания в горне с легким свистом пробуждается в углях огонь.

Кузнец был раздет до пояса. Его тело блестело от пота. На мокрой руде отражалось пламя горна. Кузнец взмахивал молотом, откидывал корпус назад и с силой обрушивал удар на кусок раскаленного железа. И каждый раз отблеск пламени вздрагивал. Я решил, что это просвечивает сердце. Оно горит внутри и просвечивает сквозь грудь.

Я показал маме светящееся сердце.

- Видишь, - сказал я шепотом.

- Вижу.

- От чего оно светится?

Мама подумала и тихо сказала:

- От работы.

- А если я буду работать, мое сердце будет светиться?

- Будет, - сказала мама.

Я тут же принялся за дело. Я наносил дров, поворошил сено и даже вызвался пойти за водой. И каждый раз, окончив дело, спрашивал:

- Светится?

И мама кивала головой.

Мальчик: Однажды я нашел на земле осколок снаряда и показал маме:

- Смотри, какой камень!

- Это не камень, - ответила мама. – Это осколок снаряда.

- Снаряд разбился?

- Он разорвался на множество осколков.

- Зачем?

- Чтобы убивать.

Я бросил осколок на землю и опасно покосился на него.

- Не бойся, - сказала мама. – Он уже никого не убьют. Он сам мертвый.

- Откуда ты знаешь? – спросил я маму.

- Я же была сестрой милосердия.

Я смотрел на маму как на незнакомую. Я не мог понять, какое отношение имеет сестра милосердия к маме.

В то далекое мгновение ни она, ни я не могли даже представить себе, что через десять лет буду лежать в шинели, в каске, с винтовкой, прижатой к боку, и в меня будут лететь такие камни с острыми краями. Не мертвые, а живые. Не для жизни, а для смерти.

(Девочка и мальчик спускаются в зал, учащийся с гитарой исполняет 2 куплета песни «Мамины глаза», со свечами входят 8-й и 9-й ученики)

8-й ученик: Я очнулся в телеге, не сене. Я не почувствовал боли, меня мучила нечеловеческая жажда. Пить хотели губы, голова, грудь. Все, что было во

мне живого, хотелось пить. Это была жажда горящего дома. Я сгорал от жажды.

И вдруг я подумал, что единственный человек, который может меня спасти, - мама. Во мне пробудилось забытое детское чувство: Когда плохо, рядом должна быть мама. Она утолит жажду, отведет боль, успокоит, спасет. И я стал ее звать.

9-й ученик: Телега грохотала, заглушала мой голос. Жажда запечатала губы. А я из последних сил шептал незабываемое слово – мамочка. Я звал ее. Упал на нее, как на бога. Богоматерь. Человекоматерь. Мать.

8-й ученик: Я знал, что она откликнется и придёт. И она появилась. И сразу смолк грохот, и холодная животворная вода хлынула гасить пожар: текла по губам, по подбородку, за воротник. Мама поддерживала мою голову, осторожно, боясь причинить боль. Она поила меня из холодного ковшика, отводила от меня смерть. Я почувствовал знакомое прикосновение руки, услышал родной голос

9-й ученик: Сынок! Сынок, родненький...

8-й ученик: Я не мог открыть глаза. Но я видел мать. Я узнавал её руку, её голос. Я ожил от её милосердия. Губы разжались, и я прошептал:

- Мама, мамочка...

9-й ученик (встаёт со своего места): Моя мать лежала в братской могиле в осаждённом Ленинграде. В незнакомом селе у колодца я принял чужую мать за свою. Видимо, у всех матерей есть великое сходство. И если одна мать не может прийти к раненому сыну, то у его изголовья становится другая. Мама, мамочка...

(со свечой в руках входит 10-й ученик)

10-й ученик: В детстве мы легко принимаем от матери жертвы. Всё время требуем жертв. А то, что это жестоко, узнаем позже – от своих детей.

«Золотые дни» не вечны. На смену им приходят «суровые дни», когда мы начинаем чувствовать себя самостоятельными и постепенно удаляемся от мамы. И вот уже нет прекрасной дамы и маленького рыцаря, а если он и есть, то у него другая прекрасная дама – с косичками, с капризно надутыми губами, с кляксой на платье...

В один из «суровых дней» я пришел из школы голодный и усталый. Бросил портфель, разделся. И сразу за стол. На тарелке лежал розовый кружок колбасы. Я съел его мгновенно. Он растаял во рту. Его как бы и не было. Я сказал:

- Мало. Хочу ещё.

Мама промолчала. Я повторил свою просьбу. Она подошла к окну и, не оглядываясь, тихо сказала:

- Больше нет... колбасы.

Я встал из-за стола, не сказав: спасибо. Мало! Я шумно ходил по комнате, грохотал стульями, а мама всё стояла у окна. Я подумал, что она разглядывает что-то, и тоже подошел к окну. Но ничего не увидел. Я хлопнул дверью – мало! – и ушел.

Нет ничего более жестокого, чем просить у матери хлеба, когда его у неё нет. И негде взять. И она уже отдала тебе свой кусок... Тогда можно рассердиться и хлопнуть дверью. Но пройдут годы, и стыд настигнет тебя, и тебе станет мучительно больно от своей жестокой несправедливости. Ты будешь думать о дне своего позора даже после смерти матери, и эта мысль, как незаживающая рана, будет то затихать, то пробуждаться. Ты будешь находиться под её тяжёлой властью и, оглядываясь, скажешь: прости! Нет ответа. Некому прошептать милосердное слово: прощаю.

Когда мама стояла у стола, её плечи слегка вздрагивали от беззвучных слёз. Но я этого не заметил. Я не заметил своих апрельских следов на полу. Не расслышал хлопнувшей двери. Теперь я всё вижу и слышу. Время всё отдаляет, но оно приблизило ко мне этот день. И многие другие дни.

Прости меня, родная!

(со свечой в руках входит учитель)

Учитель: В старых избах с потемневших образов смотрит женщина с ребёнком на руках. Грустная, задумчивая, улыбающаяся, счастливая и несчастная. Это не иконы, это портреты матерей – многих, живых и живущих.

Я много знаю о подвигах женщин – выносивших с поля боя раненых бойцов, работавших за мужей, отдававших свою кровь детям, идущих по сибирским трактам за своими мужьями. Я никогда не думал, что всё это имеет отношение к моей матери. К тихой, застенчивой, озабоченной только тем, как прокормить нас, обушь, уберечь...

Теперь я оглядываюсь на её жизнь и вижу: она прошла через всё это. Я вижу это с опозданием, но я вижу.

1-й ученик: Дети никогда не говорят матери о своей любви к ней... В их понимании это вообще не чувство, а что-то естественное и обязательное, как дыхание, утоление жажды.

(Участники композиции исполняют песню «Есть только миг»)

Учитель: Литературно-музыкальная композиция основана на рассказе Юрия Яковлева «Сердце земли». Всем мамам посвящается.

(Участники и гости расходятся)